DOI: 10.22250/2072-8662.2019.1.87-93

Грибенко В.В.

Религиозный фактор в сравнительном анализе индивидуалистических установок современной российской и японской молодёжи

Аннотация. Актуальность исследования видится во взаимодействии России и Японии в контексте международного сотрудничества стран АТР и поднимаемых тем молодёжных дискуссий, приуроченных к году Японии в России. В основе исследования – сопоставительный анализ рецепции индивидуализма двумя культурами. Рассмотрение проблематики ведётся через изучение эгоцентрических интенций, лежащих в основе смысловых кризисов. Исследователь обращается к дистанцированию от традиций в среде молодёжи, добровольному затворничеству или погружению в длительное состояние одиночества. Автор анализирует распространение феномена *хикикомори*, который определяется как потребность индивида избегать социальных связей. В среде российской молодёжи (до двадцати лет) отмечается заимствование форм добровольного отказа от традиционных групповых связей, подражание образу действий в Интернет-сообществах. Произведён анализ сходств и различий мотивации молодёжи, ориентирующейся на так называемые «западные ценности», отмечены факторы, повлиявшие на развитие изучаемых настроений в обществе, даётся прогноз относительно заимствования отдельных элементов японской молодёжной культуры российской молодёжью на современном этапе.

Ключевые слова: одиночество, хикикомори, индивидуализм, дзен-буддизм, затворничество, социальные связи, религия

Valery V. Gribenko

Religious Factor in Comparative Analysis of Individualistic Aims of Young People of Japan and Russia

Abstract. Topicality of the research is seen in interaction of Japan and Russia regarding the international cooperation of the Pacific Rim countries and rising of discussions timed to declared year of Japan in Russia. At the heart of the research is a comparative analysis of reception of individualism of these two cultures. The problems of the research are considered through the examination of egocentric intensions which underlie semantic crises. The researcher resorts estrangement the traditions among young people environment and voluntary solitude or withdrawal to long state of loneliness. The author analyses widespread phenomena of *hikikomori* which is defined as a need of individual to avoid social relations. In Russian young people society (the group below twenty years old) the adaptation of forms voluntary rejection of traditional group relations and an imitation of practices in Internet communities is becoming perceptible. The analysis of resemblances and differences of motivations of young people that orient on so to be called “western values”, factors that influence the development of studied social moods are mentioned, predictions regarding adaptations of some elements of Japanese youth culture by Russian young people at present time is made.

Key words: *hikikomori*, individualism, Zen-Buddhism, solitude, social relations, religion

Грибенко Валерий Владимирович – студент 4 курса по направлению подготовки «Религиоведение» (бакалавриат), Департамент философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный Федеральный Университет; kpeertn@gmail.com

Valery V. Gribenko – Bachelor's degree (Religious Studies) student of the 4th year, Department of Philosophy and Religious Studies of the School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University; kpeertn@gmail.com

Вопрос о возникновении индивидуалистических установок

Мы обращаемся к концепту «успех» в условиях абсолютизации экономических отношений в пространстве диалога культур. В современной России одиночество чаще переживается не как физическая изолированность, а как нарушение духовных связей в процессе коммуникации. Исследование индивидуалистических и эгоцентрических интенций, лежащих в основе смысловых кризисов, выявляет обострённое чувство одиночества у молодёжи и пожилых людей. Осмысление собственного несоответствия параметрам успешности у вышеназванных категорий приводит к намеренному отказу от участия во взаимодействии. Основное внимание уделяется влиянию религии на формирование типа мировоззрения, способствующего подобным тенденциям. Проблема возникновения индивидуалистических настроений в западноевропейском обществе обсуждается не первое столетие, в разное время она привлекала интерес таких учёных, как Й. Хейзинга («Осень Средневековья»), Э. Фромм («Бегство от свободы», «Человек одинок»), Р. Мэй («Смысл тревоги») и так далее. Средневековый образ жизни имел отличительные особенности, которые заключались в ясном осознании каждым членом общества конкретного положения, прав и свобод в реализации своей деятельности. Зарождавшийся в ту эпоху индивидуализм понимается как реакция некоторых групп общества на коллективный образ жизни, контролируемый государством и церковью. Смена средневекового миропорядка повлекла за собой выдвижение нового общественного идеала – сильного, властного, конкурентоспособного, самостоятельного и автономного от прежних связей человека. В новых условиях изоляция от других людей была необходима и являлась частью соревновательного духа эпохи, для которого коллективные ценности постепенно становились фоном. Мысль об успехе постепенно отодвигала на второй план учение о спасении. Таким образом, проблема индивидуального одиночества коррелирует с развитием индивидуалистических настроений в западноевропейской парадигме, которая напрямую связана с развитием религиозно-философской мысли, её рецепцией концепта свободы воли, что, в свою очередь, связано с разработкой доктрины о предопределении в протестантизме. Размышления М. Лютера об этом раскрываются в его работе «О рабстве воли», которая была написана в полемике с Э. Роттердамским, как ответ на труд «Диатриба, или рассуждение о свободе воли». Так, «*Quinque sola*» ложится в основу проблемы спасения, которое, согласно одному из принципов, можно обрести в самозабвенном погружении в веру. Основная суть учения Ж. Кальвина исходит из его доктрины о предопределении, представленной в сочинении «Наставления в христианской вере». Согласно богословским и философским представлениям М. Лютера и Ж. Кальвина, бог является существом абсолютным и не познаваемым для человека. Следовательно, человек в поисках истины и решения проблем, сосредотачиваясь на личном обращении к богу, прежде всего ищет силы в самом себе. Такую тенденцию можно обозначить как развитие индивидуалистических настроений в ментальности западноевропейского человека. С этим связано новое понимание одиночества как феномена авторефлексии личности, что является следствием европейской Реформации. Таким образом, индивидуалистическое мировоззрение западноевропейского типа неоднородно, имеет отличительные черты, так как сформировалось под влиянием либо доктрины о предопределении в кальвинизме, либо под воздействием мистического толкования христианского вероучения в пиетизме.

Религиозные предпосылки реакции японской молодёжи на западные тренды

Согласно результатам социологических исследований, по приблизительным оценкам, на 2016 год численность приверженцев хикикомори составляет около 540 тыс. человек. Другими яркими проявлениями японского индивидуализма могут считаться виртуальная обособленность отдельных субкультур в молодёжной среде, рост преступности среди несовершеннолетних, кризис традиционных семейных ценностей, обусловленный сосредоточением (чаще женщин) на построении карьеры. Причины добровольного избегания социальных контактов видятся нам в религиозном чувстве японцев. В Японии, стране восточной, вплоть до XIX столетия господствовал феодальный строй, однако в культурных условиях формировался

особый ментальности, базис которой составляло анимистическое и пантеистическое восприятие мира, присущее синтоизму. Поскольку в названной религии мир богов не отделялся от мира людей, а человек отождествлял себя как часть этого пространства, заданная интенция, в свою очередь, препятствовала развитию индивидуалистического типа мировоззрения. Этот тезис отражает Т.П. Григорьева в статье «Синтоистская основа японской культуры». В этой работе автор отмечает дуалистичное восприятие мира, свойственное японской культуре. Для объяснения различия двойственности бытия в исследовании используется категория «путь». В онтологическом сознании японца существует два пути (два мира), с одной стороны это реальный мир, данный человеку в эмпирическом опыте, так называемый «Проявленный путь». С другой стороны, существует «Непроявленный путь», который является невидимым, но истинно-сущим, вечным и таинственно-прекрасным. Эти два мира диалектически и тесно связаны друг с другом, что позволяет нам говорить о преобладании дуалистичных представлений в японской культуре. Человек тесно вплетён в эту связь, он является проявлением двойственного бытия. Таким образом, мы подходим к концепту «единое-единичное». Е.С. Штейнер в статье «О личности, преимущественно в Японии и Китае, хотя, строго говоря, в Японии и Китае личности не было» более подробно разворачивает указанный концепт и поясняет, что на Дальнем Востоке, в принципе, нет места личности в том значении, в котором оно употребляется на Западе. Особое внимание автор уделяет тому факту, что в онтологическом восприятии японца человек, будучи проявлением двойственного бытия, является единичным, неразрывно существуя в едином: «...Единое, или Абсолют, есть опредмеченное (если можно опредметить Абсолют) коллективное сознание, оно же интенциональное поле языка, оно же гипостазированное множество (вот как его можно опредметить) или, наконец, точки, слившиеся друг с другом. На языке буддийской традиции это называется единым сознанием...» [Штейнер, 1990, 40]. В соответствии с этим личность нивелируется в японской парадигме. Примерами отсутствия личностного начала в японской культуре Е.С. Штейнер считает преобладание пейзажей в художественной культуре и полное отсутствие жанра портрета, в литературе больше внимания всегда уделяется принадлежности человека в обществе, в биографических трудах основной целью было передать не самого героя, а его родословную, где личностные характеристики всегда размыты, не различимы и не конкретны.

С другой стороны, это препятствие может быть обусловлено массовым распространением дзен-буддизма, рецепция которого была также обусловлена несколькими факторами. Во-первых, это схожее с синтоизмом пантеистическое и монистическое восприятие мира, а во-вторых, гибкая приспособляемость буддизма. Характерной чертой дзен-буддизма, который влиял на парадигму японцев долгое время, является противоречие, которое можно выразить следующим: дзен внутренне «индивидуалистичен», но таковая «индивидуалистичность» присуща массовому сознанию, в котором личность растворяется. Буддийская доктрина «анатмавады», которая полностью отрицала существование индивидуального «Я», стремилась к уничтожению той субстанции, которая формирует человека в бытии. Г.В.Ф. Гегель в Лекциях по истории философии обозначивал влияние этой доктрины на разум следующими словами: «...субъект не существует как личность, а пребывает в объективно-субстанциальном (которое представляют себе частью сверхчувственным, частью же и более материальным) и выступает как отрицательное и преходящее. На Востоке представляют себе высочайшее состояние, которого может достигнуть индивидуальность, а именно вечное блаженство, как погружённость в субстанцию, как исчезновение сознания и, значит, также и исчезновение различия между субстанцией и индивидуальностью, – представляют себе, следовательно, как уничтожение; здесь поэтому имеет место бездуховное отношение, так как высочайшим состоянием является здесь отсутствие сознания...» [Гегель, 1932, 145]. Также необходимо отметить исследования влияния дзен-буддизма на культуру Японии такого автора, как Дайсэцу Тэйтаро Судзуки. В его работе «Дзен-буддизм» выделяется четыре важных аспекта отношения к миру свойственных дзен. Во-первых, это религиозность, автор придерживается именно такого термина, пытаясь

избегать термина «пантеизм». Под религиозным отношением человека к миру автор понимает особое его восприятие, соотношение Единого и Единичного, где дзен-буддизм декларирует представление об индивидууме как об абсолютной сущности, но в то же время категория абсолютной сущности свойственна глобальным представлениям о бытии. Во-вторых, это аскетический аспект, где от человека, неразрывно сосуществующего с миром, требуется бережное отношение как к нему, так и к себе. В-третьих, это эстетический аспект, в соответствии с которым в человеке формируется особое созерцательное восприятие бытия. И, в-четвёртых, это эпистемологический аспект, который трактуется в абсолютно другом смысле, нежели в западном его понимании. Так как сущее человеком воспринимается дуалистично, то и процесс познания от человека требуется соответствующий, то есть человек должен познавать то, что не дано в эмпирическом опыте, вчувствоваться в суть, в непроявленное. На основании этих положений можно говорить о том, что дзен формировал особое понимание человека и личности в японской культуре. Базируясь на таком онтологическом восприятии, можно предположить, что индивидуализм, который мы видим в западноевропейской парадигме, не мог сложиться, а тем более привести к серьёзным проблемам с ощущением чувства одиночества.

Относительно темы *хикикомори* прослеживается косвенная связь, а именно – многовековая традиция, подавляющая индивидуализм. Можно предположить, что *хикикомори* является естественной реакцией на обретение личной индивидуальности. Когда человеку на протяжении веков не дают возможностей личностно развиваться, а после внезапных изменений он вдруг получает такую возможность, естественным будет злоупотреблять обретенной свободой. Таким образом, через применение психоаналитической концепции мы можем прийти к выводу, что тенденция *хикикомори* – это своеобразный массовый психоз в среде современных японцев. Ещё одной характерной особенностью влияния дзен на ментальность в Японии может считаться тенденция к созерцательности. Так как в целом концепция дзен-буддизма сосредоточена на созерцании и медитации, особое внимание в рамках данного учения уделяется безэмоциональности. Подобная особенность впоследствии могла оставить след в менталитете японцев. Так, например, японцы зачастую стараются скрывать эмоции на людях. В этом мы видим прямую взаимосвязь с феноменом «*хикикомори*». То есть люди уходят в затворничество, потому что не могут выразить свои эмоции или поделиться своими проблемами с другими людьми. Они выбирают оставаться со своими проблемами наедине, что, естественно, выбивает личность из социума. Японский психиатр Тамаки Сайто выяснил, что для большинства *хикикомори* характерны разнообразные психологические девиации. Вследствие этих исследований можно полагать, что данный феномен имеет характер психологического заболевания. Восточное сознание существует в разрыве с миром, поэтому все интенции направлены на соединение с этим миром. Здесь прослеживается коренное различие с западной концепцией, которая не выделяет в качестве проблемы отрыв собственного «Я» от другого мира, таким образом возвеличивая себя над природой. Обратная ситуация, связанная с приходом европейцев на японские острова, требует особого рассмотрения. Активная европейская экспансия на территории Японии в XIX в. воспринимается японскими авторами как переломный момент в истории страны. Речь идёт о реставрации Мейдзи, сутью которой была ликвидация феодального строя и установление монархии. В результате обновления происходит уничтожение феодальной раздробленности, оформление национального японского государства и японской национальной идентичности. Наряду с этим событием налаживается контакт с европейской цивилизацией, посредством чего Япония переходит к новому этапу развития. Особо отмечается несколько факторов, повлиявших на развитие индивидуалистического типа мировоззрения в японской культуре. Во-первых, это разрушение сословно-феодального строя, который ранее препятствовал самоидентификации личности. Во-вторых, это осмысление новых ценностных ориентиров, не свойственных групповому сознанию японского мировосприятия. В-третьих, распространение и активная деятельность протестантских деноминаций. В-четвёртых, после реставрации Мэйдзи Япония начинает активно усваивать западную культуру и ассимилировать её. Наиболее явно это проявляется в

распространении позитивизма, утилитаризма, экзистенциализма и неокантианства в первые годы после революции.

В качестве выводов: предполагаемая траектория исследовательских программ

Отдельным предметом социологических исследований может послужить феномен *хихикомори* в среде российской молодёжи. Так как исторически Россия шла по отличному от японского пути развития, то и проявления затворничества в этих двух странах могут отличаться в корне. Так как исторически в российской культуре нет парадигмальной базы для феномена *хихикомори*, то, соответственно, необходимо выяснить, что именно стало фактором рецепции данного феномена в России. По данным современных исследователей, российские *хихикомори* кардинально отличаются от японских. По их мнению, такая тенденция на территории РФ и стран СНГ обусловлена «мейнстримом» на одиночество. С одной стороны, в эпоху информационных технологий существует множество средств коммуникаций и заработка денег в сети Интернет, то некоторые представители молодёжи предпочитают заниматься всем этим, не выходя из дома. А с другой стороны, это может быть обусловлено естественным стремлением личности к одиночеству, понимаемому в положительном смысле, как возможности продуктивной авторефлексии. Такие люди используют в отношении себя термин *хихикомори*, однако смысл данного понятия в подобном случае несколько иной, чем в Японии. В России по большей части феномен *хихикомори* приобретает характер интернет-субкультуры, в которой индивид может внешне и находится в затворничестве, но имеет много связей в социальных сетях, имиджбордах и так далее. С точки зрения каузального анализа это объясняется этнокультурными различиями России и Японии. В рамках данного дискурса существует множество интеллектуальных феноменов, основными примерами которых можно назвать евразийство и «Русскую идею». В свою очередь, наша статья частично может быть подтверждением этих идей, так как в какой-то мере рецепция феномена *хихикомори* в России существует. Но не стоит отрицать тот факт, что русская культура по большей части формировалась в рамках западного дискурса. В подтверждение этих положений мы можем привести мысль Д.Т. Судзуки: «...для западного человека невозможно преодолеть дуализм, корнящийся в самой его природе, покуда он привязан к историко-теологической традиции Богочеловека или человека-Бога. Именно вследствие этого дуалистического конфликта в бессознательном и вытекающего отсюда ощущения тяжести бытия, западные люди оказываются погруженными в стихии пространства и времени. Они в основном экстраверты, а не интроверты. Вместо созерцания своей внутренней природы и обуздания её, они пытаются разрешать дуалистические конфликты внешним образом, преимущественно в плане интеллекта» [Судзуки, 1990, 42]. То есть внутреннее мироощущение человека влияет на то, в какой форме феномен *хихикомори* будет проявлен.

Таким образом, мы приходим к выводу о постепенном изменении традиционного коллективного образа жизни в японской молодёжной культуре со склонностью к индивидуализму, соотнесённому с западными ценностями. Исследователи выделяют тенденции, присущие современной Японии, такие, как во-первых, аксиологическая трансформация, что проявляется в отказе от традиционных, духовных ценностей в пользу материальных; во-вторых, развитие эгоцентрических установок у молодёжи, способствующих укоренению одиночества в жизни человека; в-третьих, повсеместное обращение к массовой культуре. Современные учёные прогнозируют дальнейшее негативное влияние вышеназванных факторов на состояние японского общества. Общим в рассмотренных нами культурах является выражение протеста молодёжи против традиционного общественного уклада, стремление к свободе действий. Несмотря на это, индивидуалистические настроения в среде российской молодёжи своеобразны, современные исследования не всегда учитывают их уникальность, связь с русской религиозно-философской традицией, менталитетом россиян, по-своему интерпретирующих появляющиеся новые тенденции. Следовательно, чувство одиночества как неприятие новых форм общественных отношений или ответ на них требует пристального внимания отечественных учёных, а также создания специальных методик для наблюдения за данным явлением.

Библиографический список

1. Верисоцкая, Е.В. Вестернизация, национальная идея и реалии японской политики в эпоху Мэйдзи / Е.В. Верисоцкая. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. – 336 с.
2. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / Макс Вебер // Избранные труды / отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов; пер. М.И. Левина. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. – 651 с.
3. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по истории философии в 2 томах / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Политиздат, 1932. – Т. 1. – 350 с.
4. Григорьева, Т.П. Синтоистская основа японской культуры / Т.П. Григорьева // Синто путь японских богов в 2 т. – СПб.: Гиперион, 2002. – Т. 1. – 704 с.
5. Игнатович, А.Н. Буддизм в Японии. Очерк ранней истории / А.Н. Игнатович. – М.: Наука, 1988. – 320 с.
6. Катасонова, Е.Л. Другая Япония: лики молодёжной субкультуры / Е.Л. Катасонова // Япония. Ежегодник. – 2008. – № 37. – С. 182–201.
7. Кальвин, Ж. Наставления в христианской вере / Ж. Кальвин. – М.: Изд-во Российского гуманитарного университета, 1999. – Кн. 3. – 639 с.
8. Лебедева, И.Ю. Проблема социального одиночества и аномии у представителей неформальных молодёжных сообществ (на примере аниме-субкультуры) / И.Ю. Лебедева // Всероссийский журнал научных публикаций. – 2011. – № 6. – С. 27–29.
9. Лепёхова, Е.С. Неокантовство в Японии: философия Нисида Китаро / Е.С. Лепёхова // XI кантовские чтения: кантовский проект просвещения сегодня. – 2014. – Сборник материалов конференции. – С. 210–212.
10. Лютер, М. О свободе христианина / М. Лютер. – Уфа: ARC, 2013. – 688 с.
11. Матвейчев, О.А. Философия человека в дзен-буддизме в современном диалоге культур / О.А. Матвейчев // Современные гуманитарные исследования. – 2015. – № 3. – С. 56–76.
12. Молодякова, Е.В. Портрет современного японского общества / Рук. проекта Э.В. Молодякова., редактор Н.П. Дмитриевская. – М.: АИРО–XXI, 2006. – 288 с.
13. Морозов, Н.А. Основные классификации методов, используемых в Японии для предупреждения и борьбы с девиантным поведением молодёжи / Н.А. Морозов // ALMA MATER (ВЕСТНИК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ). – 2013. – № 3. – С. 93–98.
14. Скворцова, Е.Л. Япония: кризис культурной идентичности при встрече с западной цивилизацией / Е.Л. Скворцова // Вопросы философии. – 2012. – № 7. – С. 52–63.
15. Судзуки, Д.Т. Дзен-Буддизм / Д.Т. Судзуки, С. Кацуки. – Бишкек: Одиссей, 1993. – 672 с.
16. Судзуки, Д.Т. Лекции по Дзен-Буддизму / Д.Т. Судзуки / пер с англ. М.А. Мамоновой, А.В. Иванова. – М.: Ассоциация молодых учёных, 1990. – 112 с.
17. Сычева, Е.С. Традиционные ценности в современной массовой культуре Японии / Е.С. Сычева // Вестник МГИМО. – 2014. – № 2 – С. 260–263.
18. Хлебус, Е.Е. Группизм как характерная черта японской социокультурной традиции / Е.Е. Хлебус // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2015. – № 2. – С. 54–58.
19. Штейнер, Е.С. О личности преимущественно в Японии и Китае, хотя, строго говоря, в Японии и Китае личности не было / Е.С. Штейнер // Одиссей: человек в истории. – 1990. – С. 38–47.
20. Saito, T. Hikikomori: Adolescence without End / Tamaki Saito. Translated by Jeffrey Angles. – Minnesota: University of Minnesota press. – 2013. – 216 p.

Текст поступил в редакцию 23.01.2019.

References

1. Verisockaja E.V. *Vesternizacija, nacional'naja ideja i realii japonskoj politiki v jepohu Mjejdzi* [Westernization, national idea and realities of Japanese politics in the age of Meiji]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta., 2005, 336 p. (in Russian).
2. Weber M. *Protestantskaja jetika i duh kapitalizma* [The Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2006, 651 p. (in Russian).
3. Hegel G.W.F. *Lekcii po istorii filosofii v 2 tomah* [Lectures on the History of Philosophy]. Moscow: Politizdat, 1932, vol. 1, 350 p. (in Russian).
4. Grigor'eva T.P. *Sintoistskaya osnova yaponskoj kul'tury* [The Shintoism basis of Japan culture]. St. Petersburg: Giperion, 2002, vol. 1, 704 p. (in Russian).
5. Ignatovich A.N. *Buddizm v Japonii. Ocherk rannej istorii* [Buddhism in Japan. Essay on the early history]. Moscow: Nauka, 1988, 320 p. (in Russian).

6. Katasonova E.L. *Japonija. Ezhegodnik* [Japan. Yearbook]. 2008, pp. 182–201 (in Russian).
7. Kal'vin Zh. *Nastavlenija v hristianskoj vere* [Institutes of the Christian Faith]. Moscow: Izd-vo Rossijskogo gumanitarnogo universiteta, 1999, vol 3, 639 p. (in Russian).
8. Lebedeva I.Ju. *Problema social'nogo odinochestva i anomii u predstavitelej neformal'nyh molodezhnyh soobshhestv (na primere anime-subkul'tury)* [The problem of social loneliness and anomaly in representatives of informal youth communities (anime sub-culture example)]. Moscow: Vserossijskij zhurnal nauchnykh publikacij, 2011, no. 6, pp. 27–29 (in Russian).
9. Lepekhova E.S. *Neokantianstvo v Japonii: filosofija Nisida Kitaro* [Neo-Kantianism in Japan: Nisida Kitaro's philosophy]. Kaliningrad, 2014, pp. 210–212 (in Russian).
10. Luter M. *O svobode hristianina* [On the Bondage of the Will]. Ufa: ARC, 2013, 688 p. (in Russian).
11. Matvejchev O.A. *Filosofija cheloveka v dzen-buddizme v sovremennom dialoge kul'tur* [Philosophy of individual in Zen Buddhism at the present dialogue of cultures]. Moscow: Sovremennye gumanitarnye issledovaniya, 2015, no. 3, pp. 56–76 (in Russian).
12. Molodjakova E.V. *Portret sovremennogo japonskogo obshhestva* [Portrait of the modern Japanese society]. Moscow: AIRO–HHI, 2006, 288 p. (in Russian).
13. Morozov N. A. *Osnovnye klassifikacii metodov, ispol'zuemykh v Japonii dlja preduprezhdenija i bor'by s deviantnym povedeniem molodezhi* [Main classifications of the methods used in Japan to prevent and to struggle with the deviant behavior of the youth]. Moscow: ALMA MATER, no. 3, pp. 93–98 (in Russian).
14. Skvortsova E.L. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Moscow, 2012, no. 7, pp. 52–63 (in Russian).
15. Suzuki D.T. *Dzen-Buddizm* [Zen Buddhism]. Bishkek: Odissej, 1993, 672 p. (in Russian).
16. Suzuki D.T. *Lekci po Dzen-Buddizmu* [The lecture on Zen Buddhism]. Moscow: Associaciya molodyh uchenykh, 1990, 112 p. (in Russian).
17. Sycheva E.S. *Vestnik MGIMO* [Bulletin of MGIMO]. Moscow, 2014, no. 2, pp. 260–263 (in Russian).
18. Hlebus E.E. *Uchenye zapiski komsomol'skogo-na-amure gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Proceedings of Komsomolsk-na-Amure State Technical University]. Blagoveshchensk, 2015, no. 2, pp. 54–58 (in Russian).
19. Schteiner E.S. *O lichnosti preimushchestvenno v yaponii i kitae, hotya, strogo govorya, v yaponii i kitae lichnosti ne bylo* [About personality in Japan and China, although, strictly speaking, there was no personality in Japan and China]. Moscow: Odissej: chelovek v istorii, 1990, pp. 38–47 (in Russian).
20. Saito T. *Hikikomori: Adolescence without End*. Minnesota: University of Minnesota press, 2013, 216 p. (in English).